

Г. М. Андреева¹

ЛИЧНОСТЬ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Проблема идентичности личности — одна из центральных проблем социальной психологии. Острота ее обсуждения заметно возрастает в современном мире, с одной стороны, в связи с радикальными преобразованиями самого мира, с другой — в связи с изменениями в социальной психологии и поисками ею новой парадигмы. Тем более сложным вопрос представляется в рамках общей дискуссии современного обществоведения по поводу глобализации мирового процесса. Хотя и не существует единого определения сущности процесса глобализации, всегда фиксируется наряду с другими и такая характеристика глобального общества, как становление поликультурного общества. Последнее имеет непосредственное отношение к тому, как формируется идентичность личности в таком обществе. Традиционно социальная идентичность личности интерпретируется как осознание ею принадлежности к социальной группе и эмоциональная значимость такой принадлежности. В условиях радикальных преобразований, характерных для конца XX — начала XXI в., представление о социальной идентичности претерпело довольно существенные изменения. В современном социально-психологическом дискурсе возникли такие понятия, как «временная идентичность» (time identity) и «средовая идентичность» (place identity) личности, обозначающие соответственно осознание личностью своей принадлежности к определенному Времени и определенной Среде обитания². Другая сторона проблемы в новых условиях, что особенно важно для ситуации в России, — это признание *кризиса идентичности* как одного из последних быстрых социальных преобразований³. Проявление кризиса состоит, в частности, в том, что большинство категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, с которыми он отождествляет себя, оказываются устаревшими или утратившими четкость прежних границ. Так, в условиях российских трансформаций исчезли некоторые социальные группы (например «колхозное крестьянство»), рождаются новые социальные группы (например «средний класс»), исчезла такая привычная в прошлой жизни нашей страны идентификация, как

«советский человек». Противоречивые оценки приобрели категории, обозначающие некоторые политические ориентации («коммунисты», «демократы»). Таким образом, кризис идентичности в условиях радикальных социальных преобразований играет важную роль при поиске личностью идентичности в условиях глобализации. На уровне фундаментальной науки анализ существующих изменений в содержании проблемы идентичности порождает относительно новую концепцию так называемой «возможной идентичности» (Х. Маркус, П. Нуриус, М. Синирелла), в рамках которой обсуждается вопрос не только об умении личности «вписаться» в определенную группу и эпоху, но и рационально соотнести свое прошлое, настоящее и будущее. Такое понимание «связи времен», ценность которой была уже давно обозначена в культуре, особенно важно при своеобразном проектировании личностью своего будущего, когда возникают новые социальные группы, темпов и моделей преобразований времени, модификация сред обитания человека будут требовать от личности решения практических вопросов. Естественно, что сложность такой задачи возрастает в условиях развития процессов глобализации, в частности становления поликультурного общества.

Можно выделить два аспекта возникающей здесь проблемы. Во-первых, это достаточно общий и принципиальный вопрос о том, что социальное поведение человека в усложненной системе новой социальной реальности обречено на принятие решений в ситуации высокого уровня *неопределенности*⁴. Связь проблемы идентичности личности и проблемы неопределенности общественной организации очевидна. Неопределенность порождена тем, что нарождаются новые социальные группы, природа которых пока не известна, обозначаются новые темпы и модели изменения времени, наконец, возникают особые среды обитания (новые типы поселений, формы транспортных связей между ними и пр.). Принятие решений в ситуации неопределенности — достаточно нетрадиционная проблема психологии и тем более — практического существования человека, и решение ее во многом зависит от того, как будет сформирована идентичность личности. Не случайно при обсуждении проблемы радикальных трансформаций в современном мире в научном дискурсе употребляется перенесенный

¹ Профессор факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик РАО, доктор философских наук.

² Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2005.

³ Ядов В. А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1.

⁴ Белинская Е. П. Человек в изменяющемся мире — социально-психологическая перспектива. М., 2005.

из медицины термин *травма*. По мнению П. Штомпки, *социальная травма* — это в первую очередь культурная травма, поскольку для рядового человека рушатся основания символов, смыслов и значений социальной реальности, обесцениваются накопленные предшествующим жизненным опытом правила социальных действий¹.

Во-вторых, это более узкий и конкретный вопрос о том, как в условиях глобального мира будет осуществляться личностью выбор той группы принадлежности, которая будет иметь для нее решающее значение. *Множественная идентичность* — феномен, известный и в традиционных обществах, поскольку и в них человек всегда принадлежит к определенному этносу, определенной профессии, выполняет определенные роли. В известной методике — тесте М. Куна и Т. Макпартленда «Кто я?» — выявлены четыре уровня распределения людьми себя по группам принадлежности: «физическое Я», «социальное Я» (социальная роль), «рефлексивное Я» (индивидуальный стиль поведения), «трансцендентальное Я» (абстрактная рефлексия вплоть до «Я — живое существо» или «Я — часть Вселенной»). Иными словами, существует определенная «иерархия» идентичностей, фиксируемая индивидом. В каждой конкретной ситуации одна из идентичностей может быть наиболее значимой («выпуклой») в зависимости от обстоятельств. Но в условиях принципиально новой организации мира глобальные процессы видоизменяют сами ситуации и обстоятельства, и соответственно изменяется *уровень значимости* различных групп принадлежности.

Если предположить, что все эти вопросы нужно решать в условиях неопределенности, то становится ясно, насколько проблема сложна и актуальна. Нельзя сказать, что предложенные вопросы не обсуждаются в различных ветвях современного обществоведения, в частности в *психологии социального познания* (social cognition), заявившей о себе как об особой науке с 1970-х гг., отдельные фрагменты проблемы получили значительную разработку. Прежде всего, это вопрос о специфике процесса познания социального мира, как его осуществляет не профессионал, а «рядовой» член общества. Ряд подходов, предложенных здесь, дают основу для решения и вышеобозначенных проблем. Один из таких подходов — выявление особого характера процесса *социальной категоризации*. Непосредственный жизненный опыт заставляет «рядового» члена общества определенным образом группировать, соотносить между собой различные социальные объекты. Ему могут быть неизвестны логические правила включения каждого нового встреченного объекта в группу аналогичных ему предметов. Но потребность ориентироваться в окружающем мире заставляет его эту операцию выполнять. Средством в данном случае является негласная договоренность, условная конвенция относительно того, «что чем считать», так называемый *социальный консенсус*.

Наличие таких условных конвенций неоднократно зафиксировано в различных культурах²:

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

² Гуревич А. Я. Представление о времени в средневековой Европе // История и психология. М., 1971.

они необходимы для того, чтобы люди могли взаимодействовать. В современных условиях решать вопрос о социальной категоризации приходится еще и в ситуации быстрых изменений, поскольку процесс глобализации предполагает и бурный рост технологических инноваций, что ускоряет «бег времени». В таких условиях «темп» категоризации отстает от темпа объективных изменений, происходящих в обществе, и неизбежно приобретает характер лишь «грубой настройки». Впоследствии это требует дополнительной когнитивной работы человека для уточнения положения в мире не только окружающих его объектов, но и самого себя. Логично предположить, что социальный консенсус необходим и в глобальном мире, хотя рамки его неизбежно будут расширены.

При этом проявят себя как минимум два направления формирования социальной идентичности. С одной стороны, «согласование» систем ценностей, осваиваемых каждым индивидом, то есть конвенция о ценностях, значимых для самоидентификации, должна быть заключена между представителями *разных культур*, наследующих разные традиции, что условно может быть названо «горизонтальным направлением» адаптации личности к новым условиям. С другой — возникнут и новые *уровни* идентичности, то есть расширение представлений о ее своеобразной «иерархии», встанет задача отнесения личностью себя не только к традиционным социальным группам, освоенным временными рамкам, привычным средам обитания, но и к глобальному обществу. Это условно может быть названо «вертикальным направлением» формирования социальной идентичности. Причем в «горизонтальном направлении» накоплен уже достаточный опыт существования в условиях поликультур: разработано средство для поддержания диалога культур — межкультурная коммуникация, позволяющая преодолевать культурный шок от встречи с «чужой» культурой и продуктивно рассматривать вопросы этнической идентичности³.

В этих подходах создана некоторая база для решения вопроса о «горизонтальных» связях идентичности и в глобальном обществе. Что же касается второго, «вертикального направления», то в его рамках формирование социальной идентичности содержит, по-видимому, еще большие трудности. Они связаны с такой стороной процесса глобализации, как соотношение глобальных и локальных процессов, например бюрократических институтов, приверженных глобальному рынку, международным организациям, и локальных элит, традиционно ориентированных на развитие национальной экономики. Впрочем, и в том и в другом случае процесс принятия решения личностью о включении в систему социальных связей усложняется, а количество неопределенностей еще более возрастает. Не случайно в современных социологических концепциях введено такое новое понятие, как «глоболокализм», призванное как раз определить соотношение глобальных и локальных процессов⁴.

³ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2003.

⁴ Покровский Н. Е. Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // Социальные трансформации России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005.

Особое внимание при этом привлекает ситуация в сфере культуры. Именно здесь акцент на многообразии и самобытности всегда рассматривался как выражение наибольшей ценности этой сферы человеческого творчества. Поэтому место ценностей культуры при построении социальной идентичности в глобальном обществе — вопрос особенно, если можно так выразиться, болезненный. Для России его сложность умножается и тем, что такая ценность глобального общества, как приоритет товарно-денежных, рыночных отношений вообще находится в довольно противоречивых отношениях с такой особенностью российского

менталитета, как привязанность к идее *духовности* и, следовательно, ориентация на такую систему ценностей, которая отвечает этой привязанности. Таким образом, очевиден вывод, что поиск личностью идентичности в условиях глобализации мира, основанный на принятии новых систем ценностей, — более сложная задача, чем простое осуществление диалога культур — относительно освоенного вида деятельности в современном обществе. Для России, по крайней мере, можно предположить, что процесс этот не будет простым, лишенным противоречий, и потребует значительного отрезка времени.